

Г.К. Вагнер и Ростов Великий

М.К. Павлович

19 октября 2008 г. исполнилось сто лет со дня рождения ученого, философа и художника Георгия Карловича Вагнера, работы которого известны практически всем исследователям древнерусской культуры и искусства. Однако вряд ли кто знает о том, что Георгий Карлович был в 1956 г. в Ростове Великом в составе археологической экспедиции под руководством доктора исторических наук Николая Николаевича Воронина и трудился там на раскопе. Именно этому факту и посвящена данная статья. Прежде чем перейти непосредственно к теме этого небольшого исследования, скажем несколько слов об истории данного события и использованных источниках.

Георгий Карлович пришел в большую науку довольно поздно, в возрасте сорока семи лет, пройдя через ад сталинских лагерей и ссылок. Всю жизнь он вспоминал отнятые у него семнадцать лет – с января 1937 г. до конца 1947 г. – Колыма, и затем, после небольшого перерыва, с января 1949 по 1955 гг. – Красноярск, правда, с лета 1953 г. он работал в геологической партии, а затем в археологической экспедиции академика Алексея Павловича Окладникова по Ангаре и притоку Ангары реке Тасеевой. По возвращении в Москву, благодаря стараниям его доброго друга Людмилы Константиновны Розовой и ходатайству А.П. Окладникова перед академиком Б.А. Рыбаковым, он был принят в Институт истории материальной культуры, как тогда назывался институт археологии Академии наук СССР (до 1960 г.). За плечами у него были лишь гимназия, художественное училище и музейные курсы. Позднее Георгий Карлович писал в своих воспоминаниях : «Без научной степени я, естественно, не мог быть зачислен в научные сотрудники и был определен лаборантом в архивный отдел, над которым шефствовал доктор исторических наук Николай Николаевич Воронин. Я был счастлив, что попал под его начало. Правда, Воронин взял с меня слово, что я не буду стремиться попасть из архивного отдела в научный сектор, но это потом как-то забылось. Не столько мной, сколько им, что было важнее»¹. В обязанности Вагнера входила регистрация полевых негативов, что ему казалось, как он сам признавался, «чрезвычайно нудным делом», и «..инвентаризация негативов – это не дело для 47-летнего человека, бывшего преподавателя истории искусства»². Однако Воронин обещал брать его на раскопки. Таким образом, поездка в Ростов летом 1956 г. и стала первой в его жизни археологической экспедицией, за которой последовали поездки в Сузdalь

(1959 г.) и Любеч (1960 г.), послужившие началом изучения искусства Северо-Восточной Руси.

Теперь уделим немного внимания документальным источникам. Несмотря на то, что архив Вагнера сохранился довольно полно, в силу различных обстоятельств он оказался рассредоточенным по ряду учреждений Москвы и Рязани. Большая его часть (преимущественно рукописи научных работ и часть входящей корреспонденции) находится в архиве Института археологии РАН, немало документов и в отделе рукописных, печатных и графических фондов Музеев Московского Кремля, есть они и в музеях на его родине, в Спасске, а также в музеях Рязани. В научном архиве Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника хранится несколько писем Георгия Карловича, написанных им из Ростова жене, Александре Николаевне Терновской, содержащих немало любопытных впечатлений от города, пострадавшего от смерча 23 августа 1953 г. Именно с ними мы и познакомимся в статье.

Необходимо отметить, что Георгий Карлович мастерски владел искусством переписки, ныне практически забытым и утраченным. Все его послания, обязательно датированные, отличает безукоризненная логика изложения, прекрасный русский язык и аккуратный, легко читаемый почерк. Это в полной мере относится и к рассматриваемым нами письмам. Вскоре по приезду в Ростов, 29-го июня, он пишет Александре Николаевне два письма, в одном из которых сообщает, что раскопки будут проводиться у Кремля, где расположена и «контора», и рассказывает о первом знакомстве с экспозицией Ростовского музея: «Сегодня в музее (музей ужасный!) ... видел картину Шумова (рязанец!), и вспомнил, что Шумов одно время работал в Ростове. Это еще материал для моей работы. Портрет хороший»³.

В тот же день он познакомился и с городским архитектором Даниловым, и с ученым, археологом Ильиным, автором многочисленных научных работ. Вот портрет М.А. Ильина – «Вид у него такой: коротенький плащ, белые тапочки, бородка лопаточкой. Он серьезный. Но глаза скорее добрые...»⁴. Второе письмо более подробно. Вагнер не указывает, как они добирались до места назначения, но судя по тому, что проезжали Переславль-Залесский, путь они проделали на машине: «...очень яркое впечатление осталось от Переславля Залесского. Он стоит на берегу большого озера, окруженного лесистыми холмами... Ростовское озеро (Неро) хотя и больше, но скучнее...». А вот характеристика города: «... Сам Ростов пребывает в запустении. Асфальта нет. Кремль после бури разворочен и медленно ремонтируется. Архитектуры города нет, есть архитектура Кремля – резиденция епископа Ионы. И она настолько задавила своей грандиозностью город, что в городе нет даже ампира. Вообще впечатление от Ростова интересное, прежде мной не переживаемое. XVII в.

живет как живой, он лезет в глаза своей ... силой, но все остальное смято. XVIII в. совсем нет. XIX в. с его ампиром тоже ничего не смог дать в противовес XVII-му. Очень жиденъкие и бездарные постройки ампира. Носит печать торговли, денег, вообще купечества, абсолютно бездарно. Нет даже центральной площади – одно недоразумение. В городе, даже в центре, масса огородов, «огородный дух» бьет в глаза, но еще пока не в желудок...»⁵. Единственным хорошим ампирным уголком Ростова Вагнер называет Спасо-Яковлевский монастырь, возле которого он и жил. А вот еще впечатление от архитектуры: «...Здешние храмы поражают своим взлетом вверх. Все они на высоких подклетах и их силуэты с пятью куполами чрезвычайно оптимистичны... Я не особенно люблю кубоватые пятиглавые храмы XVII в., ... но здесь они совсем иного рода. Декоративность частей меньше, но в чувстве силуэта, массы и т.п. сохранились традиции чуть ли не XII–XIII в. Это для меня ново и поэтому привлекательно. Деревянных старинных зданий нет, все заглушил дрянной дешевый ампир...» Знакомство Георгия Карловича с городом постепенно продолжается и становится все более глубоким, он находит все новые и новые интересные уголки, однако общее впечатление практически не меняется. « Кругом озерца храмы, козы и огороды...»; «Забрел я в такие тихие тупички, где кажется XIX в. совершенно не нарушен. Из этих улиц открывается вид на... озеро ... Дома у большинства ростовчан добротные, выкрашены масляной краской, блестят. На огородах жители наживают себе состояния. Но меня интересовали домики другие, более старые. XVIII в. я здесь не обнаружил, но ампир наложил отпечаток на много милых домов, и это самые старые...»⁶. Вероятно, часть писем Георгия Карловича все-таки не сохранилась, и мы не знаем, в каком именно доме он проживал. Мы можем судить об этом по одному из двух ответных писем Александры Николаевны к мужу, хранящимся в Музеях Московского Кремля. «... Как это у тебя такие чудесные письма получаются?! Так чувствуется провинция, лучше, чем у Паустовского описан городок, улочка ваша, дом с солидными часами и крашеными полами и т.п. Читаю эти описания вслух»⁶. Узнаем мы из этого письма и о погоде в середине июля: «... если у вас такие же дожди, как у нас, то копать плохо-вально». Правда, проблемы с работой на раскопе создавала археологам не только погода. «Первые дни на раскопе были очень нервные, так как наши рабочие – 15 человек местных «гавриков» вели себя довольно бесстыдно. Но сегодня утром Н.Н. (5 июля) прочитал им «лекцию», и дело пошло лучше»⁷. Существовали и иные трудности. Так, раскоп находился на площади рядом с Кремлем, а огороды можно было видеть повсюду – вдоль бульваров, на площадях, и даже рвы были «разработаны под огороды». Засажен оказался и их участок, «... хотя с весны здесь был вбит кол с сохранившейся охранной над-

письмо». Как вспоминает ученый, «... на нас ... началась ругань, ... чего только не наслушались... Прокатывались насчет Н.Н. (т.е. Николая Николаевича Воронина – М.П.), и насчет его полноты, и насчет моих ...зубов и т.д. Но потом все-таки смирились и как-то признали свою неправоту.»⁸. Вообще обстановка в экспедиции была дружная. Работали с 8 утра до 5 вечера с перерывом на обед, в выходные совершили поездки по окрестностям, побывали на другом берегу озера Неро, и в Борисоглебском монастыре.

Сохранились краткие воспоминания ученого от встречи с арх. Владимиром Сергеевичем Баниге, руководившим реставрационными работами в Кремле: «... Очень милый интеллигентный человек, с ним приятно иметь дело, ... очень самобытная колоритная личность... Член партии, верит в ростовских чудотворцев, ... энергичный, хлебосольный»⁹.

За время пребывания в Ростове Вагнер сдружился с Н.Н. Ворониным, который был всего на четыре года его старше, но уже многое добился на научном поприще. Приведем пару цитат: «Как-то получается, что у нас во многом вкусы и привычки сходятся, не сходится только отношение к археологии. Н.Н. в ней как рыба в воде, а я как забредшее в воду земноводное животное...»¹⁰; «С Н.Н. мы живем очень приятно и дружно, хотя я и чувствую, что в качестве товарища по работе я для него недостаточно образован, недостаточно оживлен и вообще ничтожен... Вообще я свои «пустые 17 лет» очень чувствую, и мне часто бывает очень горько...»¹¹.

Несмотря на новые впечатления и знакомства, Георгий Карлович очень скучает по московской жизни, много читает, и в письмах жалуется жене: «... В самом Ростове мне нечем заняться. Каменная архитектура изучена и изучается многими. Деревянная – неинтересна. Понемногу фотографирую. Жалею, что не захватил акварельных кистей, а то может быть соблазнился бы этим занятием...»¹².

Позднее Вагнер изменил свое отношение к ростовскому деревянному зодчеству. Как он признался сам в упомянутых выше мемуарах: «...поехав вместе с Н.Н. Ворониным в 1956 году на раскопки в Ростов Ярославский, ... изучил там (по совету сотрудницы Русского музея Э.С. Смирновой) очень своеобразную деревянную резьбу и опубликовал третью статью в журнале «Советская этнография»¹³. В архиве Музеев Кремля есть отдельный оттиск этой статьи Георгия Карловича «Древние мотивы в домовой резьбе Ростова Ярославского», опубликованной в 1962 г., на обложке дарственная надпись его старому другу сотруднику Государственного Эрмитажа А.А. Быкову: «Дорогому Алексею Андреевичу мой первый институтский «opus», с «длинной бородой». Гурлик»¹⁴. В этой небольшой статье домовая резьба рассмотрена как часть русского народного жилья, несущая определенные функции – повышение жизненного значения и ценно-

сти жилища и имеющая непосредственную связь с древними художественными традициями. В частности, ученый делит все сохранившиеся ростовские постройки, украшенные деревянной резьбой, на несколько типов – крестьянские в виде изб, городские дома в стиле ампир и более поздние с мезонином, а также одноэтажные и двухэтажные дома второй половины XIX – начала XX вв., обращенные главной продольной стороной на улицу. «Жилые постройки всех перечисленных типов за исключением явно «ампирных» несут на своих фасадах декоративную резьбу. В домах-избах старого типа резьба помещена только на оконных наличниках...»¹⁵. Отдельно рассматривает автор и излюбленные мотивы ростовской деревянной резьбы, особенно дракона – «Фигурки ростовских «драконов» имеют вполне определенную иконографию. Это не крылатые змеи и не грифоны, а еще более фантастические образцы, представляющие соединение туловища животного (с двумя передними короткими лапами), крыльев птицы и хвоста пресмыкающегося». В статье даже приведены зарисовки резьбы на наличниках с указанием адресов конкретных зданий¹⁶. Проведя детальный анализ различных встреченных им мотивов в городе и окрестных селах, сравнивая их с орнаментами вышивки, Вагнер делает вывод о том, что широкое распространение изображений дракона в домовой резьбе Ростовщины (в отличие от Владимира и Суздаля) вплоть до рубежа XIX и XX вв. «следует объяснять всем предшествующим ходом развития местной художественной культуры, в которой языческие образы, в частности образ дракона, были особенно устойчивы»¹⁷.

В 1980 г. вышел в свет справочник-путеводитель «Старые русские города» (М.-Лейпциг, 1980), автором текста и составителем которого был Георгий Карлович. О популярности этой книги свидетельствует тот факт, что в течение одного только 1980 г. она выдержала три издания. Как пишет Вагнер в предисловии, «Показать архитектуру старых городов России и составляет задачу настоящей книги. В ней пойдет речь о городах, вошедших в ядро единого централизованного Русского, по старой терминологии Московского государства, – Владимире, Суздале, Юрьеве-Польском, Ростове Великом, Переяславле-Залесском, Новгороде Великом, Пскове, Муроме, Рязани, Новгороде Нижнем, Ярославле и Костроме ... Расположенные, за исключением Новгорода и Пскова, в междуречье Оки и Волги, они уже до XIII века обладали развитой монументальной архитектурой, в которой...великие традиции начали решительно творчески переосмысливаться на местный лад...»¹⁸. Разделив их историю на три этапа – средневековый (X–XIII вв.), переходный (XIV–XVII вв.) и новый (с XVIII в.), Ростову Великому ученый уделил одно из главных мест в главе «Русские города в переходную эпоху. («Русское предвзрождение» и «русское барокко» XIV–XVII вв.), рассмотрев так поразившие его когда-то па-

мятники конца XVI–XVII вв. Что касается эпохи классицизма и нового времени, то здесь Вагнер упоминает Дмитриевский собор 1794–1802 гг. Спасо-Яковлевского монастыря как пример использования псевдоготических деталей в произведениях архитектуры классицизма¹⁹. В качестве иллюстраций им приведены прежде всего памятники Ростовского Кремля с Митрополичьим двором, Борисоглебский, Авраамиев и Спасо-Яковлевский Дмитриев монастыри, а также деревянная церковь Иоанна Богослова на Ишине, всего 17 фотографий с довольно подробными пояснениями и планами Кремля и отдельно Успенского собора²⁰.

После 1956 г. Георгий Карлович Вагнер никогда не посещал город на озере Неро, но та археологическая экспедиция под руководством Н.Н. Воронина навсегда осталась в его памяти, а опубликованная статья по деревянной резьбе явилась «заявкой на выход из плена негативов» и началом прорыва в научной работе. Так, 11 июня того же 1962 г. по распоряжению № 2-507 Президиума АН СССР институту археологии было разрешено в порядке исключения перевести Георгия Карловича на должность исполняющего обязанности младшего научного сотрудника «как имеющего большой опыт работы и опубликованные научные труды»²¹. А еще через два года, в 1964 г., вышла в свет его книга «Скульптура Владимира-Сузальской Руси. Юрьев-Польской»²², заставившая заговорить о Вагнере как о серьезном исследователе русского средневекового искусства.

**

¹ Вагнер Г.К. Из глубины взываю... (De profundis). М., 2004. С. 215.

² Там же. С. 215.

³ РИАМЗ. КП 26244/20. Л. 1-3.

⁴ Там же.

⁵ Там же. КП 26244/21. Л. 1-2.

⁶ См.: ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 51. Фонд находится в процессе архивной обработки, поэтому на данном этапе часть документов не внесена в описи. Письмо А.Н. Терновской Г.К. Вагнеру от 16.07.1956 г. Л. 1.

⁷ См.: РИАМЗ. КП 26244/23.

⁸ Там же. Л. 2.

⁹ Там же. КП 22644/22.

¹⁰ Там же. КП 22644/23.

¹¹ Там же. КП 22644/25.

¹² Там же. КП 22644/22. Л. 1.

¹³ Вагнер Г.К. Из глубины взываю... С. 215. Две его первые статьи были написаны по материалам, собранным в период Красноярской ссылки. См.: Вагнер Г.К. Деревянное зодчество русских старожилов в Среднем Приангарье // СЭ. 1956. № 3; он же. Деревянное зодчество русских старожилов по Якутскому тракту // СЭ. 1958. № 6.

¹⁴ См.: ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 51. Оп. «Статьи». Д. 21.

¹⁵ Там же. С. 35.

¹⁶ Там же. С. 34-36.

¹⁷ Там же. С. 45.

¹⁸ Старые русские города. Справочник-путеводитель. Автор-составитель Вагнер Г.К. М.-Лейпциг, 1980. С. VII.

¹⁹ Там же. С. XLII.

²⁰ Там же. Ил. №№ 185-203. С. 385-388.

²¹ Заверенная копия этого документа хранится в ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 51.

²² Вагнер Г.К. Скульптура Владимира-Сузальской Руси. Юрьев-Польской. М., 1964.